

Д. В. Деопик, М. А. Членов

Топонимические детерминативы куала и муара как источник по этнической истории малайцев¹

При изучении топонимической карты западной части Малайского архипелага обращает на себя внимание своеобразное распределение двух топонимических детерминативов² со значением «устье»: куала и муара. Насколько нам известно, впервые их обнаружил В.А. Никонов, который, однако, ограничился их констатацией и не дал какой-либо интерпретации. Но только географическое распределение их настолько примечательно и необычно, что уже по одному этому они привлекают пристальное внимание.

Названия населенных пунктов, включающих в себя один из двух указанных детерминативов, распространены исключительно и повсеместно в пределах расселения малайцев, т.е. минангкабау и этнографических групп собственно малайцев — палембангцев, джамбийцев, риау-малайцев, малайцев Малакки и северной Суматры, малайцев Калимантана, джакартцев. За пределами территории малайцев эти топонимы встречаются в единичных случаях и, очевидно, обязаны своим возникновением малайским поселениям. Таковы, например, название города Муарасиберут на о-ве Сиберут в архипелаге Ментавей или топоним Куалабэ'э на западном побережье Аче. Из 310 учтенных нами топонимов с детерминативами куала и муара только 6 находятся вне пределов проживания малайцев, т.е. около 2%. Из этого следует, что оба детерминатива входят в чисто малайский топонимический комплекс, тем более что на указанной территории пока не обнаружено ни одного топонима с другим малайским детерминативом того же значения.

Анализируемые топонимы были собраны нами при обработке Географического словаря Индонезии [Географический словарь 1961], выпущенного для почтовых нужд и

¹ Работа написана вместе с М.А. Членовым и опубликована в [Деопик, Членов 1972].

² Термин «топонимический детерминатив» употребляется нами вместо распространившегося в последнее время в советских специальных работах выражения «местный географический термин», которое кажется нам неудачным в виду громоздкости и полисемии слова «местный».

содержащего 10 тыс. названий населенных пунктов, а также следующих карт: Суматра (1 : 25 0000) [Карта Суматры 1944], северное Борнео (1 : 1 000 000) [Карта северного Борнео 1953] дорожная карта Малайской федерации (1 : 633 600) [Карта Малайзии 1966], аэронавигационная карта Калимантана (1 : 1 000000), строительная карта южного Калимантана [Карта южного Калимантана 1960]. Использование этих источников позволило включить в исследование почти все названия населенных пунктов, образованные с использованием топонимических детерминативов куала и муара.

Карта распространения этих детерминативов показывает, что каждый из них имеет строго определенный ареал. Муара встречается на южной Суматре (кроме Лампонга) в западной части центральной Суматры (до озера Тоба на севере), в восточной части центральной Суматры (до течения р. Джамби-Батангхари на севере), на восточном и юго-восточном Калимантане (до р. Барито на западе и границы с Сабахом на севере), на западной Яве. Куала — в восточной части центральной Суматры (от течения р. Джамби-Батангхари на юге до границы с Аче на севере), на всем Малаккском полуострове, на западном и южном Калимантане (до р. Барнто на востоке). Необходимо оговорить также несколько случаев, когда оба детерминатива встречаются на одной и той же территории. Это наблюдается на юго-западном побережье Суматры между Венкулу и Мукумуко, а также в небольшом количестве на западном Калимантане. Кроме того, обращает на себя внимание полное отсутствие того и другого детерминатива в султанате Джохор и северной части султаната Келантан в Малайе.

Можно считать установленным, что для малайской топонимии в целом характерно образование названий населенных пунктов по следующей модели: детерминатив муара или куала плюс название реки, в устье которой стоит данный пункт (в большинстве случаев название населенного пункта без детерминатива совпадает с названием соответствующей реки). Столь же очевидно существование двух четко дифференцированных друг от друга ареалов распространения двух рассматриваемых детерминативов.

Представляется возможным предложить историческую интерпретацию этого явления. Исходным пунктом нашего рассуждения будет предположение о существовании хронологического разрыва между периодами возникновения топонимов типа муара и типа куала.

Сейчас нет возможности рассматривать оба этих слова ни в качестве диалектизма, ни в качестве архаизма. Оба слова существуют в современном малайском языке (в его малазийской и индонезийской литературных нормах) в качестве полных синонимов. С другой стороны, этимологически они: сводятся к двум различным архетипам в праавстронезийском¹ и потому не могут рассматриваться как последовательные стадии развития одного и того же корня. Интересно отметить также, что в современной картографии оба этих слова употребляются в качестве детерминативов при названиях: устьев рек, хотя муара в этом значении встречается только на Калимантане.

Теоретически можно было бы предположить, что в древности на территории современного расселения малайцев существовали какие-то древнемалайские диалекты, в которых употреблялось либо то, либо другое слово, но не оба вместе. В этом случае напрашивался бы вывод, что современное распространение двух детерминативов отражает древнюю диалектальную карту. Однако здесь возникает ряд противоречий.

Поскольку известно, что малайский этнос формировался в районе Падангского нагорья, которое входит в исследуемый ареал, то и предполагаемые диалекты должны были бы находиться на этой же территории. Поскольку формирование малайцев происходило сравнительно недавно (I тысячелетие до н.э.) и поскольку нет никаких оснований предполагать возможность массового переименования населенных пунктов за этот период, то естественно было бы ожидать существование обоих детерминативов в районе Падангского нагорья и Окружающих его областях. Тем не менее, ни там, ни в каком-либо другом месте нам не встретились зоны интенсивного и равномерного смешения типа муара с типом куала. Само собой разумеется, что такой зоной не могут быть ни районы Западного Калимантана, где явно не происходило формирование малайцев, ни область к северу от Бенгкулу, где имеется несколько топонимов с куала на берегу Индийского океана в окружении многочисленных топонимов типа муара, ни бассейн рек Кампар и Сиак, в верхнем течении которых наблюдается кажущееся смешение зон куала и муара, объясняемое поздним проникновением на эту территорию минангкабау.

Таким образом, предположение о возникновении этих детерминативов на базе каких-то древних диалектов не подтверждается материалом. Нам остается лишь исходить

¹ Этим сообщением мы обязаны любезности Ю.Х. Сирка.

из альтернативного предположения о одновременности возникновения каждого из ареалов. Подобное предположение кажется более естественным, так как подобные случаи хорошо известны из славянской и европейской топонимики [Никонов 1965: 68–84], где аналогичные различия используются для датировок.

В нашем случае мы предполагаем существование периода полного преобладания одного детерминатива, сменившегося периодом преобладания второго из них. Очевидно, более ранним является ареал муара, совпадающий с Центральной Суматрой — наиболее вероятным ранним центром распространения малайцев [Народы... 1966: 494]. Зона куала в этом случае будет более поздней.

Рассматривая последнюю гипотезу как наиболее реальную, мы попытаемся развить ее на основании анализа нашего материала, так как очевидно, что распространение указанных детерминативов отражает какие-то этапы расселения самих малайцев.

Самый ранний этап формирования малайцев в районе Падангского нагорья в топонимии не отражен, так как эта часть Суматры никак не дифференцирована от остальных районов, входящих в зону муара. Но о следующем за этим первоначальным этапом периоде мы уже можем что-то сказать. Наш материал дает основание утверждать, что первый этап распространения малайцев из их прародины (т.е. Падангского нагорья, а не континентальной части Юго-Восточной Азии, которая была прародиной аустронезийцев в целом) представлял движение вниз по рекам Муси и Джамби-Батангхари, остановившиеся на значительном расстоянии от всей линии современного побережья. Это объясняется тем, что юго-восточная береговая линия острова продвинулась дальше на восток уже после рубежа нашей эры. Постепенно расселяясь вниз по указанным рекам, малайцы заселили район будущего центра империи Шривиджайя. Видимо, в это же время ими было освоено и западное побережье Суматры. Вне пределов раннего расселения малайцев на Суматре остались район Лампонг на юге Суматры, северная и северо-восточная части острова и низменности на востоке в бассейнах рек Индрагири, Кампар, Сиак и Рокан. По-видимому, распространение детерминатива муара на Суматре отражает расселение древних малайцев до освоения ими других островов.

Две другие зоны распространения детерминатива муара связаны, судя по всему, с развитием малайского мореходства. Вся этническая история Индонезии и Малайи показывает, что наиболее удобными для освоения считались те земли, которые были сходны с первоначальным исходным центром данного этноса по своим природным и

хозяйственным особенностям, даже если они были расположены на других островах. В то же время земли, находящиеся на том же острове, но отличающиеся по этим условиям, как правило, не становились вообще или становились в последнюю очередь объектом экспансии. Общеизвестно положение, что море сближало народы Архипелага между собой, а джунгли — разъединяли их. Из двух районов сосредоточения топонимов с детерминативом муара за пределами Суматры один расположен на западной Яве, другой — на восточном и юго-восточном Калимантане. Совершенно очевидно, что нельзя рассматривать как случайность тот факт, что именно в этих двух районах и более нигде в первые века нашей эры к востоку от Суматры существовали ранние государственные образования.

На Западной Яве существовало в IV–V вв. н.э. государство Тарума, расположенное в бассейне крупнейшей западно-яванской реки Читарум на территории, где ныне живут сунданцы и джакартцы. Очевидно, к востоку от этого района доминирующий впоследствии на Яве яванский этнос (о наличии у него государства в этот период данных нет, но к VI в. н.э. оно уже было) положил предел дальнейшему распространению малайцев (и детерминатива муара) на этом острове.

Тогда же, в IV–V вв. н.э. на восточном Калимантане возникло государство, где правил Кундунга и его династия. Современное население этого района, известного под названием Кутей, состоит не из даяков, а из малайцев. Существование там же большого количества топонимов типа муара позволяет связать и раннее государство Кутей с переселенцами из Суматры.

Таким образом, можно считать установленным, что ко времени возникновения классовых обществ на территории Индонезии малайцы заселили бассейны наиболее крупных рек на больших островах Архипелага в той их части, где им не противостояли крупные формирующиеся землевладельческие этнические общности. Важно, что эти первые освоенные малайцами области на других островах не лежали на магистральных торговых путях, уже наметившихся к этому времени. Поэтому маловероятно было бы связывать возникновение новых поселений с торговой политикой Шривиджайи. Остается только предположить, что переселения малайцев на восточный Калимантан и западную Яву не могли иметь место ни VI в. н.э., ни позже.

Поскольку ранние государства были созданы малайцами (во всяком случае, на Калимантане и Суматре), постольку появление детерминатива муара вне Суматры следует

относить ко времени не позже II—III вв., когда на территории Индонезии появились первые государства. Очевидно, это время характеризовалось интенсивными контактами новых малайских поселений с метрополией на Суматре. Без этих контактов трудно было бы объяснить возникновение и существование индуизированных государств в таких отсталых и в дальнейшем снова доклассовых областях, как джунгли Восточного Калимантана. Добавим, что если на Суматре топонимы с муара занимают горы и долины спускающихся с них рек, то на Калимантане они тянутся по долинам рек от моря вплоть, до границы гор.

Определяя в общих чертах время и тот исторический фон, на котором происходило распространение детерминатива муара в Индонезии, постараемся определить аналогичные характеристики и для второго детерминатива — куала. В единственном районе, где существует только куала — на Малаккском полуострове, с первых веков нашей эры существовали небольшие государства, почти все населенные малайцами. Следовательно, заселение Малайи произошло до этого времени. Тем самым распространение детерминатива муара на Калимантане и Яве должно быть отнесено к еще более раннему времени, а именно, к последним векам до нашей эры, когда в условиях широкого распространения металла ряд этнических групп Юго-Восточной Азии вплотную подошел к классовому обществу, которое одно могло сделать регулярными связи метрополии с районами нового заселения.

Итак, где-то в конце I тысячелетия до н.э. развитие древнемалайского языка привело к смене продуктивного ранее топонимического детерминатива муара на куала. Возможно, что такая смена явилась следствием доминирующего положения на Суматре какой-то этнографической группы малайцев, являвшейся носителем особого диалекта. Впоследствии этот диалект мог стать доминирующим на всей малайской территории (о чем косвенно свидетельствует явное преобладание названий устьев рек с апеллятивом куала над названиями устьев рек с апеллятивом муара), кроме минангкабау, развитие которых с начала нашей эры происходило изолированно от остального малайского мира. Существенным аргументом в пользу такого предположения нам представляется существование современного языка минангкабау, значительно отличающегося от малайского. В условиях изоляции минангкабау могли сохранить древний топонимический детерминатив муара, который и фиксируется на территории их позднего расселения в бассейне рек Кампара и Сиака. Реальным нам кажется и допущение того, что окончание

распространения топонимов с муара в малайском мире могло совпасть с началом возникновения топонимов с куала. Об этом косвенно свидетельствует и расположение населенных пунктов с куала на Малакке и с муара на Калимантане. И те и другие тянутся от берега моря вверх по долинам крупных, пригодных для поливного земледелия рек, вплоть до «неудобных» гор.

Перед нами типичная картина расселения земледельческого народа, пришедшего с моря. На Суматре в самый ранний период передвижения малайцев с Падангского нагорья миграции, как уже отмечалось выше, шли с гор вниз по течением крупных рек. В то же время топонимы с куала на Суматре сосредоточены в прибрежной зоне и далее вверх по течению рек, например на реке Асахан, вплоть до гор, заселенных ранним немалайским народом, в данном случае батаками. Земледельческий характер миграций малайцев объясняет, по нашему мнению, и отсутствие детерминатива куала в южномалайском султанате Джохор, где нет крупных рек и мало удобных земель. Интересно, что именно на юге Малайи вплоть до XX в. сохранялись в относительно большом количестве немалайские аборигенные племена, так называемые джакуны. Если исходить из гипотезы о «торговом» импульсе малайских переселений этого времени, то следовало бы ожидать интенсивной колонизации именно этих, ближайших к Малаккскому проливу и к Суматре районов.

В итоге мы приходим к выводу, что в последние века до нашей эры и в первые века нашей эры происходило интенсивное заселение малайцами-земледельцами различных территорий Архипелага, на которых вскоре после этого возникают первые государства. Видимо, миграционная активность этого периода находит свое объяснение в начавшихся процессах классового расслоения, часто сопровождающихся передвижением крупных групп населения. Картина распределения анализируемых нами детерминативов свидетельствует о том, что в процессе расселения малайцы осваивали территории, населенные слабо развитыми племенами бродячих охотников и собирателей, по-видимому, предков нынешних семангов, сеноев, джакунов, кубу и др., избегая областей, занятых земледельцами, не знакомыми с развитым поливным земледелием (известным, видимо, малайцам к концу эпохи бронзы), или территорий крупных этносов, мало уступавших в своем развитии малайцам.

Примером первых могут служить батаки или даяки (кстати, оба этих народа вплоть до XX в. практиковали охоту за головами, что затрудняло даже голландское

проникновение во внутренние районы Суматры или Калимантана). Примером вторых являются яванцы и, возможно, некоторые древние народы Малаккского полуострова. Все это означает, что древние малайцы осваивали именно те районы, где в долинах больших рек существовали все условия только для развития поливного земледелия, еще недоступного мотыжным земледельцам гор и племенам собирателей и охотников, живших в заболоченных до создания искусственной ирригации долинах крупных рек.

Интересно, что на территории древнейшего государства Малаккского полуострова, Ланкасука, просуществовавшего до XIII в., не встретилось ни одного топонима с детерминативом куала или муара. По нашему мнению, это может означать только то, что здесь малайцы встретились с каким-то развитым народом, не уступавшим им самим по уровню социально-экономического развития. Очевидно, Ланкасука была населена каким-то австронезийским народом немалайского происхождения. В пользу такого, казалось бы, неожиданного предположения говорят и такие факты политической истории этого района, как традиционное сопротивление Ланкасуки территориальным притязаниям Шривиджайи, политическое возрождение этого государства после краха суматранской империи (XII – XIII вв.), а также то, что в отличие от всех остальных государств Малаккского полуострова только Ланкасука вошла в орбиту политического влияния тайцев.

Не настаивая на абсолютной достоверности предложенной гипотезы, мы все же считаем ее достаточно вероятной. В связи с этим приобретает особый интерес мысль Ю.Х. Сирка, высказанная им в частной беседе с авторами статьи, о возможности существования в древности какого-то связующего звена между обнаруживающими определенную близость чамским и ачинским языками. До сих пор эта связь объяснялась наличием мон-кхмерского субстрата, существование которого на Суматре весьма проблематично. Предложенная нами концепция позволяет предполагать возможное расселение некоего прото-чамско-ачинского этноса из Индокитая в юго-западном направлении. Связующим звеном между чамами и аче в этом случае могло быть население Ланкасуки.

Итак, к началу нашей эры существовали старый малайский центр на юго-восточной Суматре, условно называемый нами метрополией, и два района внешней колонизации: более древний — на Яве и на восточном Калимантане (зона муара), и более поздний — на северо-восточной Суматре и на Малаккском полуострове (зона куала). Не исключено, что еще в VII в. такое разделение па метрополию и колонии продолжало оставаться реальным (как и предложенное выше различие диалектов). Об этом, в частности, говорит

приблизительное совпадение северной границы зоны муара в районе р. Джамби-Батангхари с границей государства Малайю. Это государство не случайно было включено в состав Шривиджайи накануне объединения ею Суматры и Малайи, т.е. зоны муара с зоной куала. Насколько можно судить, распространение топонимов с детерминативом куала не прекратилось на рубеже нашей эры. Во всяком случае, об этом свидетельствует значительное количество топонимов с куала на западном Калимантане и небольшое количество таких топонимов на западном побережье Суматры. Первый район, по-видимому, отражает постепенное освоение малайцами побережья и долин крупных рек (например, р. Капуас) западного Калимантана на протяжении всего средневековья вплоть до образования Малаккского султаната, а может быть, и позже. Локализовать исходный район распространения детерминатива куала на западный Калимантан пока не представляется возможным. Скорее всего, сюда проникали малайцы и с Суматры, и с Малаккского полуострова.

Что касается нескольких случаев куала на западном побережье Суматры, то они, по нашему мнению, представляют следы попыток каких-то групп малайцев освоить неудобный морской путь вдоль западного берега острова. Инициаторами таких попыток, скорее всего, выступили малайцы северо-восточной Суматры (будущие государства Кампе и Пасей), чьи интересы могли столкнуться с торговой политикой Шривиджайи.

Приведенные факты и соображения позволяют в общих чертах судить о ходе этногенеза малайцев до XIII в., когда они заселили всю ту территорию, на которой живут сейчас. Конец этого процесса совпадает со временем образования малайских султанатов, основным среди которых вскоре стал Малаккский, поглотивший почти все остальные. Известно, что эпоха Малаккского султаната была временем интенсивного распространения малайской культуры и языка (в качестве лингва-франка) на Архипелаге среди немалайских народов. Существенно, что это влияние в той или иной степени ощущается и по сию пору. Тем не менее, на территориях, оказавшихся в эти века втянутыми в зону малайского культурного влияния, например, Сулавеси, восточная Индонезия, возможно, Филиппины, мы не встречаем ни одного топонима с детерминативами куала или муара.

Нам кажется, что этот факт находит свое объяснение в отсутствии зон компактного расселения малайцев. Это в свою очередь объясняется изменением характера взаимодействия между этническими группами Архипелага.

В ранний период до XIII в. мы имеем дело с миграциями малайцев и колонизацией и освоением ими обширных пространств. Теперь мы можем утверждать, что в XIII в. одновременно с внедрением ислама, процесс расселения и колонизации в основном закончился. Пришедший ему на смену процесс «малаизации», т.е. распространения исламизированной береговой культуры, охвативший практически всю Индонезию, не повлек за собой появления на новых территориях детерминативов муара и куала. Знаком малаизации на этом этапе не случайно становится другой детерминатив названий населенных пунктов — такджунг со значением «мыс», т.е. наиболее приметная с моря точка на берегу. И если муара и куала не встречаются там, где древние малайцы столкнулись с каким-либо земледельческим народом, то танджунг, как правило, редко встречается там, где они в более позднее время встретились с народом-мореходом (например, солорцами).

В заключение отметим, что изложенная нами концепция, выработанная на основе анализа топонимов, не только соответствует общим представлениям об этнической истории индонезийцев этого периода и подтверждает теории, выработанные после анализа археологических, эпиграфических и нарративных источников, но также позволяет уточнить многие события древней истории и сформулировать ряд гипотез, носящих более конкретный характер, чем предшествующие. Так, например, изложенные нами факты заставляют пересмотреть вопрос о степени яванского влияния на формирование первых государств на территории Архипелага [Народы... 1966: 537], на характер этнокультурных контактов между различными народами этого региона, на их хронологию, на этническую основу ранних государств Малаккского полуострова.

Предлагаемые выводы еще раз показывают, насколько важна роль топонимики в реконструкции как этнической, так и политической истории народов, прошлое которых в недостаточной степени освещено письменными источниками.